

стать его создателем: вознести своего героя в райские кущи или низвергнуть его в геенну огненную, посадить у комелька или отправить в далекое путешествие, или, или, или.

Безусловно, реальность квеста «Мертвые души» не имеет ничего общего с примитивным миром квестов, подобных «Как достать соседа». Эта реальность способна пленять и очаровывать, как реальность легендарной «Siberia», покорять своей логикой, которая с формальной точки зрения так часто оказывается совершенно алогичной. Попробуйте-ка выбрать себе кучера, который ведет исключительно трезвый образ жизни, проигнорировав кандидатуру Селифана, или обратитесь с просьбой указать дорогу к какой-нибудь просвещенной особе, которая четко различает, где право, а где лево, миновав девку Палашку – и все: GAME OVER. Вы предпочли иное пространство, где отсутствуют, по крайней мере, два конституирующих элемента реальности а la russ: дураки и дороги.

Ортодоксальные сторонники классических подходов в искусствоведении порой называют постструктуралистов еретиками и святотатцами, а если бы они владели основами языка «подонков», то, наверное, столкнувшись с фактом очередной деконструкции, предлагали бы: «Афтар, выпей йаду!» или восклицали: «Ацкий сотона!» Лучше бы называли чудотворцами, пусть даже с оттенком того смысла, который присутствует в гоголевской поэме. Но уж коли мы еретики, надо напоследок сказать что-нибудь еретическое. «Виртуализация» мира «Мертвых душ» есть наглядная демонстрация тезиса «Рукописи не горят» - виртуальная реальность, порождающая возможные миры, возрождает из пепла, может быть, не второй - но третий, пятый, десятый... тома великой книги. Вы говорите: «В мире столько вещей нам не нужных». А сколько в этом мире людей, которым они просто необходимы?

Т.Н. Усольцева (Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ ЦИКЛА Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКЯНИКИ»

Творчество Н.В. Гоголя не обделено вниманием исследователей, порой кажется, что не только каждое произведение, но и каждое слово писателя изучено со всевозможных точек зрения и объяснено с различных позиций. Однако при этом при более пристальном рассмотрении оказывается, что даже в самых глубоко проштудированных проблемах гоголевского творчества не поставлена последняя точка.

Так, композиция цикла Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» представляется тщательно проанализированной и с точки зрения проблематики, и с учетом жанровой специфики каждого отдельного произведения, и в зависимости от форм и приемов фантастики, использованных автором. Однако при всех самых справедливых замечаниях и уточнениях, интереснейшем анализе художественного текста, возникает ощущение, что какие-то важные приемы организации цикла, способствующие осознанию целостности художественного произведения, отмечены далеко не все. Данная статья не претендует на создание какой-либо универсальной концепции, истины в последней инстанции, это только одна из многочисленных попыток прочтения произведения Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» как единого текста, может быть, даже совсем неубедительная для исследователей творчества писателя.

Цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» - это не просто неповторимый мир, созданный Гоголем, это целая отдельная вселенная, живущая по своим законам и правилам. Но при этом закономерности бытия данного мироздания должны быть понятны любому человеку, следовательно, космос «Вечеров» может прочитываться с помощью какого-либо универсального кода. Подобным универсальным кодом в данном случае представляется круг, неразрывно связанный с солярной символикой. Солнце для славян всегда было не только источником тепла и жизни на земле, но и «лицо, око или слово *Бога* либо оконце, через которое Бог смотрит на землю» [1, с. 362].

Но в связи с тем, что мир «Вечеров...» запечатлен с помощью танцев, народных гуляний, этот код получает реализацию через образ хоровода, воплощающего народную культуру и традицию. Как и хоровод, распадающийся на более мелкие круги и вбирающий в единый круг всех танцующих, произведения цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» словно окаймляют другие повести, тем самым создавая пересекающиеся круги. «Предисловие» к первой части и «Предисловие» ко второй части цикла создают круг, который пересекается с другим, возникающим из «Пропавшей грамоты» и «Заколдованного места». Круги объединяются не только в связи с расположением произведений в цикле (два первых и два последних), но и по тематике, проблематике, с точки зрения жанровой отнесенности. Эти два пересекающихся круга зрительно создают образ восьмерки, усиливающей ассоциации с бесконечностью и устремленностью к гармонии в окружающем мире.

Данные четыре произведения связаны между собой в единое целое общей идеей – верой в способности человека творить, а, следовательно, создавать мир, в котором он будет хозяином, способным побеждать зло. Однако подобная теза реализована писателем более чем иронично, позволяя предположить более чем очевидное: людям порой только кажется, что они готовы и могут изменить мир кардинально, да и любые, самые микроскопические изменения происходят только в том случае, когда человек осознает свою малость и обращается к помощи Бога. Так, дед в «Пропавшей грамоте» смог переиграть в карты нечистую силу, только прибегнув к крестному знаменю, а персонаж «Заколдованного места», поддавшись соблазну победить черта, остается ни с чем: вместо золота он приносит домой «сор, дрязг... стыдно сказать, что такое» [2, с. 212]. Следовательно, человек зачастую проявляет беспечность и, как правило, редко осознает, что его отношение к искушениям, встречающимся на жизненном пути, только демонстрируют его отпадение от Бога.

В «Предисловиях» к первой и второй частям цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголь, как и А.С. Пушкин в «Повестях Белкина», представил писателя как обычного человека, со своими слабостями и недостатками. Главный рассказчик Рудый Панько, позиционирующий себя как человека интеллектуального и незаурядного («Я всегда люблю приличные разговоры; чтобы, как говорят вместе и услаждение и назидательность была» [2, с.113]), рассорился со своим гостем из-за того, что они не смогли определить, какой рецепт соления яблок наиболее удачен.

Остальные шесть произведений цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» могут быть представлены в виде еще трех колец. Самое малое из них, представляющее собой своеобразный центр всего цикла – повести «Ночь перед Рождеством» и «Майская ночь, или Утопленница», среднее вбирает в себя «Вечер накануне Ивана Купала» и «Страшную месть», большее – повести «Сорочинская ярмарка» и «Федор Иванович Шпонька и его тетушка». Эти три круга отсылают читателя к первоосновам бытия, позволяющим существовать миру и развиваться вселенной: любовь, смерть и бытовая традиция.

Каждый из кругов многомерен, он имеет своеобразный верх и низ, что еще раз позволяет осознать романтическое мироощущение Гоголя этого периода. Одна из центральных оппозиций, характерных для романтизма – прекрасное / безобразное – находилась в центре внимания Гоголя при создании цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Прекрасное у писателя ассоциировалось с Абсолютом (Богом), к которому должна устремиться и, в итоге, с которым должна слиться душа человека. М.Н. Виротайнен, подчеркивает, что в философии, которой активно увлекались прогрессивные современники автора цикла, «бесконечное и конечное, небесное и земное мыслилось скорее как категории сознания, как ориентиры духа и мысли – то есть располагались в сфере идеальной. Гоголь воспринял их как ориентиры реальной деятельности» [3, с. 337]. В результате это приводит писателя к мысли о необходимости преобразования окружающей действительности с помощью Слова, миссия же художника осознается им как миссия Творца. Как глубоко верующий человек, Гоголь ни в коей мере не берет на себя функции Бога, он видит себя только в качестве такого проводника божественных идей, который должен донести единственно верную истину до окружающего мира.

Направленность к идеальному (прекрасному) в художественных произведениях Гоголя активно реализуется через острый конфликт между духовным и телесным. Повести «Сорочинская ярмарка» и «Федор Иванович Шпонька и его тетушка» погружают читателя в стихию быта. Но если в «Сорочинской ярмарке» быт предстает ярким, красочным, завораживающим, то в повести «Федор Иванович Шпонька» он не просто затягивает человека, но и не позволяет личности, жаждущей прекрасного, вырваться за его рамки. Поэтому если «Сорочинская ярмарка» фонтанирует песнями и танцами, забавными веселыми ситуациями, а страх от чего-либо необъяснимого, запредельного для сознания человека, развеивается почти мгновенно, то обыденность, невзрачность, бессобытийность повести «Федор Иванович Шпонька» заставляет понять трагичность человеческой судьбы, невозможность приближения к идеалу.

Именно Федор Иванович, самый нелепый персонаж, видит божественную красоту мира природы: «спокойный, чистый вечер, и что за вечер! как *волен и свеж* воздух! Как тогда оживленно все: степь краснеет, синееет и горит цветами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насекомых, и от них свист, жужжание, треск и вдруг *стройный хор*; и все не молчит ни на минуту. А солнце садится и кроется. У! как свежо и хорошо!» [2, с.194]. Таким образом, очевидно, что красота у Гоголя ассоциируется с гармонией и свободой, поэтому устремленность к прекрасному, движение по пути обретения идеала воспринимается писателем как необходимость, как изначальное предназначение человека.

ЛИТЕРАТУРА

1 Топорков, А.Л. Дом / А.Л. Топорков // Славянская мифология. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.

2 Гоголь, Н.В. Избранные сочинения: в 2 т. / Н.В. Гоголь. – Т. 1. – М.: Худож. литер., 1978. – 574 с.

3 Виролайнен, М.А. Исторические метаморфозы русской словесности / М.А. Виролайнен. – СПб.: Амфора, 2007. – 495 с.

Т.П. Целехович (Беларусь)

УРОКИ ГОГОЛЯ

Чему сегодня может научить Гоголь? Кому интересен Пасичник Рудый Панько? Пожалуй, только переводчикам писателя на украинский язык... Или на белорусский. В зависимости от региона. Кто, кроме умаявшегося в экзаменационную страду студента-филолога, осилит первую главу «Мертвых душ» или удостоверится хотя бы, что бричка человека средних лет доехала-таки до назначенного места? Или в никуда. В зависимости от интерпретации. В наш суетливый век бричка Чичикова кажется жалкой и неуместной. Но она таит в себе некую притягательную силу, как и ее сочинитель, загадочный Карла, Никоша, раб Божий.

Гоголь, который хотел уйти в монастырь. Гоголь-постник и молитвенник. Святой. Такой Гоголь люб в контексте «Православие и русская литература». Здесь он – свой. Еще одно великое имя в перечне тех, кто верил.

У каждого свой Гоголь. Мой Гоголь – тот, который брал из протянутых рук маленькой девочки землянику. Девочку он встретил по дороге в Оптину пустынь. Он тогда был крайне измучен от мнительности и самоуничужения. Он спросил, сколько должен за ягоду. И девочка удивилась: «Как можно брать со странных людей?» И писатель разрыдался тогда, как ребенок. Этот плачущий странник, полумонах, полупут. Станный человек. Мой Гоголь. О котором вся «просвещенная Москва» говорила: «Сошел с ума!». Больной Гоголь. Он чувствовал, что устроен не так, как все. Он прислушивался к своему телу, что проявлялось не только в коллекционировании и примеривании сапог. Он лечился от болезней, «жала в плоти» (2Кор.12:7), которое было понятно ему одному.